

Елена Никитина

**А ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ ОТ БАБЫ-ЯГИ
БАБА-ЯГА БЕССМЕРТНАЯ**

САЛАМАНДРА

Елена Никитина

А ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ ОТ БАБЫ-ЯГИ

Роман

Москва, 2011
The logo features a stylized letter 'E' on the left, followed by the word 'ARMA DA' in a bold, outlined font. Below this, there is an ampersand '&' and the text '«Издательство АЛФА-КНИГА»' in a smaller font.
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н62

Художник
Л. Клепакова

Никитина Е. В.

Н62 А что вы хотели от Бабы-яги: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 377 с.: ил.

ISBN 978-5-93556-993-8

Что такое «не везет» и как с этим бороться? Из академии магии выгнали — не выдержали. Домик в наследство достался, да и тот от Бабы-яги. Местные жители уничтожать периодически пытаются. Не жизнь, а сказка! А тут еще и королевич Елисей со своими проблемами пожаловал, помощи просит: невесту его, Василису, похитили. Да не кто-нибудь, а сам Кашей Бессмертный...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-93556-993-8 © Никитина Е. В., 2007
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2007

ГЛАВА 1

День клонился к закату. Солнце прощально золотило молоденькую зелень едва распустившихся почек, и вечерний лес был погружен в нежно-зеленую дымку. Деревья отбрасывали косые тени на многочисленные проталины, пестрящие подснежниками и мать-и-мачехой. Пчелки и другие жизнепослушные насекомые старательно перелетали с цветка на цветок, выполняя свой первый весенний долг по размножению растений.

Я возилась у печки, вытаскивая горшок с дымящейся гречневой кашей. Опять пригорела, зараза, вон как воняет. Никогда не умела готовить, особенно каши. Всегда либо недоварится, либо подгорит. Третьего в моей жизни еще никогда не случалось.

Я поковыряла ложкой крупу и выложила в тарелку то, что было сверху. Негусто. Остальное имело отвратительный коричнево-черный цвет и выглядело совсем неаппетитно. Заглянув в горшок и пошкрябав ложкой по его стенкам, я убедилась, что проще отодрать зубами шляпку от гвоздя, и сунула негодную уже посудину в печь. Вурдалакам скормить, что ли? Они, наверное, тоже это есть не будут.

С улицы послышался шум. Я выглянула в окно и увидела приближающуюся к моему одиноко стоящему в глухом лесу домику демонстрацию. Она состояла человек из десяти и больше походила на похоронную процессию. Отличие от последней было лишь в том, что вместо цветов и портретов усопшего эти несли в руках ржавые мечи, которыми даже картошку копать страшно — рискуешь нанести непоправимый вред природе, да крышки от ка-

стриюль. Последние при сильном ударе друг об друга издавали отвратительные громкие звуки, пугающие всю возможную живность на несколько верст вокруг, и считались местными жителями особенно действенным методом уничтожения Бабы-яги, коей я и являлась в силу определенных обстоятельств социального и этнического характера. Уничтожать меня приходили с завидной регулярностью, раз в неделю как минимум. Но безрезультатно. То ли не задавались такой конкретной целью и хотели лишь попугать, то ли это являлось у них разновидностью экстремальных видов развлечения, не знаю. Но у меня тоже были свои способы борьбы с подобными массовыми мероприятиями. Я покосилась на большую клизму, стоявшую у двери на лавочке, и тяжело вздохнула. Не дадут ведь поесть по-человечески, изверги.

Позволив процессии подойти на достаточно близкое расстояние, я распахнула дверь и с клизмой наперевес выскочила на крыльцо.

— Ну что? Кто первый?

Процессия замерла, звон крышек оборвался на самой высокой ноте и в ужасе затерялся среди деревьев. Приблизиться ко мне никто не решался. Еще бы! Клизма в моих руках — воистину грозное оружие! И никакой меч-кладенец ей и в подметки не годится! Большая, литра на полтора, она приводилась в действие пусковым заклинанием и попадала точнехонько по прямому назначению. Все! Противник обезврежен! Главное, с именем не перепутать. Можно, конечно, и без имени, но тогда жертва выбиралась по неизвестным даже мне самой признакам. Время, на которое действовала клизма, зависело от налитой в нее жидкости — чем сильнее, тем дольше срок действия. Единственный недостаток моего оружия был в том, что нужно самой его заправлять. Но местные жители этого не знали, а я не спешила им ничего сообщать.

Самонаводящаяся клизма, как я ее окрестила, была первым изобретением, поставившим большой жирный крест на моей магической карьере. Я училась в Высшей академии мировой магии при Правительстве Союзного Государства, откуда меня с позором выгнали за неподчи-

нение всеобщей дисциплине, не дав доучиться всего год. Поступила я туда по рекомендации то ли дальней родственницы, то ли бабкиной знакомой (в общем, седьмая вода на киселе), которая являлась главным консультантом по лекарственным травам и сборам и вытащила меня из глухой деревеньки, где я откровенно чахла, маясь от скуки и бездействия. Способности к магии у меня были наследственные, все-таки бабка моя сильной ведуньей была, посему поступила я без определенных проблем, имея в своем арсенале кое-какое зачаточное образование.

Ничему высшему, и уж тем более академическому, нас там не учили. Мы зубрили всевозможные заклинания, ходили на практику по кладбищам и болотам, изучали внутреннее и внешнее строение различной нечисти и прочую ерунду. В конце третьего года обучения (всего их пять) я разочаровалась в столь возвышенном названии нашего образовательного учреждения, потому как ничем мировым там и не пахло, и начала во многие заклинания, заговоры и рецепты вносить свои собственные коррективы, а то и вовсе придумывать новые. Так в результате моих магических экспериментов и появилась самонаводящаяся клизма.

Опробовать ее мы отправились с моим однокурсником Васькой, которого все звали Котом не столько даже из-за его имени, сколько из-за безудержной любви к сметане, которая иногда переходила все грани разумного. Спрятавшись в кустах цветущей и воняющей на всю округу черемухи, мы намечали жертву моих научно-магических изысков. Люди сновали мимо нас, даже не подзревая, какой страшной опасности они подвергались, выбирая именно эту улицу. Наконец я увидела то, что было нужно. Из-за угла вывернул долговязый прыщавый парень в сальной и замызганной майке, цвет которой давно уже не поддавался никакому определению, и в таких же грязных штанах с рваными коленками. Засунув руки в карманы, парень развязной походкой шел в нашу сторону и щербато улыбался. Я сосредоточилась и выпус-

тила клизму из рук, читая коротенькое пусковое заклинание.

И надо же было такому случиться, что именно в этот момент из-за того же угла вышел посол какой-то восточной страны. Какой я, естественно, не помнила, но имя у посла было до того заковыристое, что мы в академии использовали его в качестве оценки качества трезвости. Тармалтрухмантарон. Такое под хмельком выговорить не удавалось почти никому. Ничего удивительного, что я сразу на него отвлеклась, и в памяти сами собой стали складываться буквы столь нестандартного имени.

Клизма, не долетев до прыщавого парня всего чуть-чуть, резко сделала разворот и вонзилась в положенное ей по прямому назначению место иностранного подданного. Он дико взвыл и схватился руками ниже спины, но было поздно. Действие моего эксперимента было ментальным. Посол, дико вращая глазами и выпятив бородку клинышком, носился по улице, вспоминая всех ему известных и даже неизвестных еще родственников на не совсем стандартном наречии, как своем родном, так и нашем, расстанском.

Его беготня привлекла повышенное внимание прохожих, которые всегда были охочи до разных казусов, если дело не касалось их самих, и вокруг несчастного тут же образовался кружок любопытствующих. Но послу было уже не до объяснений. Он последний раз взвыл особенно яростно и скорбно и, прорвав окружение, сломя голову бросился в соседние с нами кусты.

Мы не стали дожидаться, когда он будет в состоянии здраво оценить нанесенный его неприкосновенному статусу ущерб, и спешно и как можно незаметнее покинули наш наблюдательный пост, искренне надеясь, что данное недоразумение не приведет к международному конфликту.

Но скандал все-таки разразился, хотя и не в таких крупных масштабах, как можно было предположить. Меня быстро вычислили, и наш курсовой учитель магистр Велимир, которого мы все звали Магическим Папой, так как он отвечал за поведение вверенных ему уча-

щихся и их успеваемость, вечером вызвал меня к себе. Потрясая руками и гневно брызгая слюной, он расхаживал передо мной, как цапля по болоту, и высоким от праведного негодования голосом отчитывал:

— Алена, ты понимаешь, что ты натворила?! Сколько раз говорилось и писалось, что нельзя и просто недопустимо проверять магические навыки на мирном населении. Тем более такие! Это же настоящая боевая магия! Ты подписывала при поступлении договор, где прямым текстом было сказано, что «обязуюсь выполнять все дисциплинарные и ученические инструкции по технике безопасности». И что я вижу? Да ладно бы еще кого из горожан выбрала, а то посла! — И учитель воздел руки к небу.— Мы с ректором и так еле уговорили этого черножо... черноусого не подавать жалобу на имя короля, чтобы избежать политических осложнений. Ты хочешь из академии вылететь? У тебя светлая голова, прекрасные способности, а ты ими разбрасываешься, как собака костями. Оставь свои опыты на потом. Выучись, получи диплом, а там занимайся, чем хочешь.

Я со скучающим видом слушала его гневную отповедь, разглядывая ползающую по потолку муху. Ну не могу я просто зубрить книжный материал! Мне неинтересно! Я и так давно уже проштудировала все учебники до четвертого курса и вынесла для себя все необходимое. А вот внести во многие заклинания изменения по собственному усмотрению, это гораздо забавнее, тем более что эффект не всегда бывает предсказуемый. Учитель Велимир и другие магистры о многом даже и не догадываются. Одна самоклеющаяся туалетная бумага и коврик-потаскун чего стоили.

— Алена, ты слушаешь меня? — прикрикнул Магический Папа, нависая надо мной, и я приняла самый несчастный и покаянный вид, на какой только была способна.

— Да, — проямлила я, шаркая мысочком туфли, чтобы мое раскаяние выглядело более убедительным.

— Ты неисправима, — вздохнул учитель.— Понимаешь, что тебя могли отчислить уже сегодня, но мне удалось уговорить ректора оставить тебя под мою личную от-

ветственность. Следующий раз будет последним. Можешь идти.

Я поблагодарила мага за оказанное мне доверие и, клятвою пообещав больше не экспериментировать до момента окончания академии, выскочила из кабинета.

Но никакие запреты и угрозы отчисления не могли сдержать мою творческую натуру. Уже к концу четвертого курса, тоже весной, я придумала оригинальное заклинание обожания. Оно основывалось на любовном приворооте, но отличалось от последнего некоторыми нюансами. Вместо всепоглощающей страсти и избытка чувств к тому, кто его наводит, мое заклинание вызывало нежную трепетную любовь не на человека, а на предмет, на который падал взгляд привораживаемого в минуту произнесения заклинания.

Естественно, что ждать еще год, чтобы его опробовать, я не стала, посчитав вполне безобидным и не несущим угрозу жизни и здоровья окружающим. Подумаешь, будет кто-нибудь везде таскаться с безделушкой, ничего страшного, у каждого свои пристрастия бывают. На мирном населении ставить опыты я больше не рискнула, выбрав своей очередной жертвой хлипенькую первокурсницу со смешными кривыми косичками. Улучив момент, когда девчонка задержалась в столовой и кроме нас там никого больше не оставалось, я незаметно начала шептать заговор, делая пассы руками под столом, чтобы не привлекать к себе внимание. Но при произнесении последних, самых важных слов, неожиданно между нами возник сам ректор и, оперев руки в бока, гневно уставился на меня, видимо почувствовав, что я опять задумала какую-то гадость. Он, конечно, не предмет, но материя есть материя, и заклинание сработало.

Не буду рассказывать, как я бегала от него по всей академии, с ужасом понимая, что совершенно не представляю, как снимать наложенные чары. И только ближе к вечеру, когда учителя и ученики, насладившись нашими гонками по пересеченной местности, наконец заподозрили неладное, они отловили пострадавшего ректора и закрыли его в кладовке, припечатав дверь магическим

ключом. Необходимость в дополнительной защите была более чем оправданна, потому что ректор, проявив недюжинную силу, порывался освободиться всеми доступными ему способами, дабы воссоединиться с предметом своего обожания, то бишь со мной. Меня наш учитель поймал уже при выходе на улицу, когда я попыталась трусливо скрыться в каком-нибудь укромном местечке, пока все не образуется и чары не спадут сами собой. Говорить о силе его гнева не приходится. Учитель засадил меня в своем кабинете и предупредил, что пока я не придумаю контрзаклинание, он меня не выпустит. Пришлось подчиниться и напрячь мозги. Около полуночи я нашла необходимое, и к всеобщему облегчению ректор принял свой нормальный суровый облик.

Стоит ли говорить, что это было последней каплей в чаше моих крупных предупреждений (счет мелких давно уже перевалил за сотню), но доказать, что данное недоразумение было лишь непредвиденным стечением обстоятельств, не удалось. Меня отчислили, позволив сдать экзамены за четвертый курс досрочно и выдав справку о неоконченном магическом образовании и завещание на домик, доставшийся мне в наследство от какой-то дальней родственницы по материнской линии. Откуда она взялась, мне толком так и не объяснили. В справке было написано, что я — Алена Хренова, двадцати лет от роду, получила неполное магическое образование, окончив четыре курса Высшей академии мировой магии при ПСГ, имею навыки владения боевой и бытовой магией на среднем уровне; обладаю способностью использования лечебных трав и сборов, а также умею отличать разные виды нежити и знаю методы борьбы с нею.

Меня провожал весь учительский коллектив в полном составе, зорко следя, чтобы я случайно не потерялась среди многочисленных коридоров и лекторских залов академии и благополучно покинула стены нашего славного учебного заведения. Ректор тоже вышел меня проводить, но сделал это очень скромно, выглядывая из-за угла самой дальней лестницы из опасения, что напослед-

док я могу совершить очередную пакость в отместку за досрочное отчисление. Но я его разочаровала.

Учащиеся, так же изрядно пострадавшие от моих удачных и особенно не очень удачных опытов, выглядели из окон академии и даже махали мне платочками, только что к глазам не прикладывали (вряд ли это выражало крайнюю степень их жалости по поводу моего скоропостижного отчисления). Я показала им кулак и гордо покинула стены данного образовательного учреждения.

Проводив меня до ворот, магистр Велимир попытался вызвать заклинание самонаводящейся клизмы и еще парочку самых интересных гадостей, которые я имела неосторожность явить на всеобщее обозрение, но я держалась стойко и не выдала своих секретов. Чисто из вредности. Обида на всех и вся, жадными коготочками вцепившись в мое сердце, могла бы сейчас прожечь не одну дыру в каменной кладке трехсаженного забора. Но я сдержалась от сиюминутного акта отмщения и с видом оскорбленного и непонятого героя всех времен и народов прошествовала через ворота академии навстречу не обремененной скучными уроками и ужасными экзаменами жизни.

Ну ничего! Они еще обо мне услышат, они еще пожалуют!

Попробовав устроиться хоть на какую-нибудь работу в нашей первопрестольной столице Петравии, я очень скоро убедилась, что от меня шарахаются, как от источника всех мыслимых и немыслимых бед. Мага-недоучку нигде не хотели брать, считая, что с таким образованием от меня можно ожидать чего угодно, только не адекватного отношения к работе. Может, постарался еще и сам ректор, чтобы обезопасить себя от дальнейших происков с моей стороны. Не знаю.

Промаявшись несколько месяцев в бесплодных попытках устроиться и осесть в Петравии, я пришла к неутешительному выводу, что никакая работа мне здесь не светит, и решила отправиться осмотреть мое неожиданное наследство. Все равно лучше, чем от скуки и прочих разочарований здесь париться. Собрав нехитрые пожитки, которыми успела обрести в столице, я нашла на карте

село, имевшее несчастье хранить вверенный мне какой-то сердобольной родственницей домик, и наметила путь.

Дорога заняла у меня около недели. Можно было бы, конечно, и за более короткий срок добраться, но при отсутствии лошади, на которую у меня просто не было денег, сие невозможно, а телепортироваться я не умею, к сожалению, не доросла еще. Пришлось топтать на своих двоих. В деревнях, где я имела счастье (или несчастье?) останавливаться, подрабатывала для пополнения моих скудных финансовых запасов, чтобы было чем расплачиваться за ночлег и еду. Использовали меня по прямому назначению редко, считая, что местный маг, каким бы плохеньким он ни был, все роднее и понятнее, чем незнакомая девица, полная жизнерадостного оптимизма относительно своих не внушающих доверия способностей. Мне в основном поручали сельхозработы, до которых у самих жителей руки не доходили или же было просто лень. Всякие огородно-земельные ковыряния никогда не были моим самым любимым занятием, и еще в детстве я отлынивала от них всеми возможными способами. Но выбирать не приходилось — я не относилась к той разновидности живых организмов, которые могут долгое время обходиться без пищи. И с гримасой показного рвения на лице и отвращением священника перед чертом в душе я бралась за тяпку или лопату и с остервенением, свойственным одержимым, вгрызалась в землю с помощью выданного нехитрого инвентаря. Огороды, кои мне доверяли, чуть ли не в полный голос молили о пощаде уже через несколько минут после начала моей трудовой деятельности. Наверное, было бы намного гуманнее, если бы грядки зарастали сорняками, чем доверять мне борьбу с последними. Несколько сиротливо стоящих кустиков культурных растений, горы земли, сваленной в одну кучу, глубокие рытвины и ямы, способные послужить неплохим водоемом для купания в жаркий полдень, — вот все, что оставалось от моих трудов праведных. По головке меня, естественно, за это не гладили, старались погладить по другому месту и чем потяжелее. После несколь-

ких подобных недоразумений я смекнула, что копание в верхних слоях почвы не относится к моим скрытым талантам, и просила работу попроще, что-то вроде подметания двора или чистки ржавых мечей. Тут по крайней мере испортить и повредить ничего нельзя.

Подработать с помощью магии мне выпало от силы раза два-три, когда деревенские целители были в отъезде и у кого-то, как всегда в такие неподходящие моменты, начинались то роды, то сильнейшее несварение желудка, то корова на ухо наступила. Также я заговаривала амбары от нашествия мышей, кровати от вторжения любовников и спальни для привлечения последних же. И один раз мне даже доверили уложить обратно в гробик парочку разбушевавшихся вурдалаков, не особо буйных, правда, но от этого не менее назойливых.

Медленно, но верно я продвигалась к намеченной цели. На пути от одной деревни к другой, расстояние между которыми увеличивалось пропорционально удаленности от столицы, я развлекала себя тем, что гоняла лесную и дорожную нечисть, из тех, что побезобиднее, упражнялась в метании ножей и собирании целебных травок.

Так я и оказалась в этом богом забытом лесу, полном всевозможной нечисти и совершенно темных в плане образования местных жителей.

Про нечисть, населяющую здешние леса, стоит сказать особо. Она имела тут в полном составе и нехилом количестве. Когда я попыталась провести разведку с целью выяснить, какие неприятности поджидают меня за каждым кустом, то была немало удивлена, обнаружив запуганных до икоты кикимор, трясущегося как осиновый лист лешего, замуровавшихся в гробиках упырей и ушедших на дно русалок, поклявшихся на поверхность не выныривать никогда. Сей факт меня озадачил. Магии в лесу не чувствовалось никакой, но нечисть была напугана так, будто не один сильный маг мира сего выложился на полную катушку. Позже ответ пришел сам собой, но был мало утешителен. Всему виной оказались местные жители.

В силу географических и экономических причин деревенька находилась слишком далеко от просветительского и цивилизованного центра нашего государства. То ли про нее просто забыли, то ли правительство решило, что она не стоит того, чтобы тратить на нее и так не очень богатую казну, но население здесь оказалось на самом начальном уровне становления первобытно-общинного строя и почти не знало ничего, что творится в столице. Люди, конечно, не были совсем безграмотными и тупыми, но их удивительная нелюбовь и страх ко всему непонятному тянули как минимум на предания старины глубокой, полные страшных сказок, которыми сейчас безуспешно пытаются запугивать малых деток. А так как магов у них отродясь не бывало, то в борьбе со всевозможной нечистью и нежитью полагались только на собственные силы и вычитанные из детских сказок рецепты, использовать которые стали с таким рвением, что, похоже, сильно переусердствовали. Вся нечисть в округе больше не высывалась, попрятавшись по своим норам и болотам, приходя в ужас от одного упоминания о жителях странной деревни с названием Забытки (прямо-таки символическое название).

Скорее всего, они чувствовали себя оскорбленными, что их пытаются уничтожить такими кощунственными способами, несмотря на их магическое происхождение, а вставать на пути фанатично настроенного населения оказалось себе дороже. Среди способов, пользующихся здесь наибольшей популярностью и действенностью, были: тухлые яйца, на которых рисовались портреты нечисти (художника следовало бы приписать к абстракционистам) и которые кидались в места обитания нечисти; простоявшее на солнцепеке пару недель молоко (оно выливалось в невероятных количествах в болото, не придавая ему привлекательности и кристальной чистоты); посыпание каменной солью на раны несчастных, если удавалось подобраться поближе, и еще много всякого разного. Все эти антиэкологические методы наносили невероятный вред окружающей среде, и лес постепенно приходил в запустение, грозя превратиться в бесплодную

пустыню. Причем вымирание лесного массива жители наивно списывали на лешего, который самым первым пострадал в этой неравной борьбе. Если бы не сильная привязанность к месту обитания, все эти кикиморы, русалки, травники давно уже покинули бы местный лес и переселились в менее опасные для существования районы. Мне было их откровенно жалко, я против таких методов борьбы. Лучше бы уж убивали, честное слово.

И все бы ничего, но тут появилась я. Узнав, что я маг (пусть и недоделанный), на меня смотреть сбежалась вся деревня, как на великое чудо, но, узнав, что я собираюсь жить в одиноко стоящем домике в лесу, меня тут же предали анафеме и провозгласили новым видом нечисти. Сначала мне показалось, что это такое своеобразное чувство юмора, но потом поняла — не шутят. Все, что живет в лесу и отличается от растений и животных, должных его населять, тут же причислялось местными жителями к разряду опасных и подлежащих немедленной расправе.

Домик, отныне поступивший в мое полное распоряжение, шикарным назвать было никак нельзя. Ветхое доисторическое строение встретило меня отсыревшими стенами, прохудившейся крышей и перекосившимися ставнями. Ступеньки крыльца закрипели под ногами и угрожающе прогнулись, когда я с замиранием сердца приблизилась к двери. Вопреки моим ожиданиям, дверь не отвалилась при попытке открыть ее, а легко распахнулась на смазанных петлях, приглашая посетить пропитанное таинственностью жилище. Настоящая избушка Бабы-яги прямо, куриных ножек только не хватало.

Внутри гулял сквозняк, шевеля висящие под потолком пучки высушенных трав и гоняя сухие листья. Половину единственной комнаты занимала печь, почти совсем новая, у окна стоял дубовый стол, парочка табуреток, кровать в углу и большой шкаф. Вот и вся нехитрая обстановка. Темные сени, где я чуть не свернула себе шею, споткнувшись об опрокинутое ведро, служили переходом между жилым помещением и улицей.

Первым делом я принялась наводить порядок, выметая изо всех углов успевшую осесть пыль, паутину и про-

чий домашний мусор. Печка затопилась быстро от единственного брошенного огненного импульса и весело затрещала дровами, придавая комнате более-менее жилой вид, наполняя ее теплом и светом. К вечеру я уже не чувствовала ног от усталости и, наскоро сварив себе картошки, найденной в подполе, не раздеваясь, завалилась спать, собираясь с утра заняться детальным обследованием странного домика. Но утро принесло мне смертельную тоску и жалость к самой себе. Первый поход в деревню принес новые разочарования — со мной никто не желал общаться, все шарахались, налагая на себя и меня усердное крестное знамение, и разбегались по домам и хатам. Состояние никому не нужной молодой магички острым ножом кромсало душу и приводило к отчаянию. Никогда не замечала за собой раньше такого пессимизма, но тут накатило по полной программе. Вернувшись домой, я бросила в печь выданную мне в академии справку, чтобы больше не напоминала о моем позоре, и прорыдала до самого вечера.

Предприняв еще несколько вылазок во вражеский стан, я только лишний раз убедилась, что меня здесь откровенно боятся и видеть не особо желают. Все мои попытки донести до дремучих жителей, что я нормальный человек, не принесли никакого результата — слушать меня просто не хотели, предпочитая оставаться во власти глупых заблуждений. Меня это разозлило.

Я закрылась в своем домишке и почти не вылезала на свет божий до конца осени. Смерть от голода мне не грозила, погреб ломился от всевозможных разносолов и запасов, а без хлеба и молока прожить вполне можно.

Когда первый раз на меня объявили охоту, я, честно говоря, струхнула. Но впоследствии, разобравшись в ситуации, поняла, что лучшего места, где я могу безбоязненно проводить свои незамысловатые магические опыты, мне не найти, и осталась. Что руководило мной в тот момент, сказать трудно, но шестое чувство подсказывало, что только здесь у меня может получиться что-то стоящее.

ГЛАВА 2

И вот сейчас небольшая процессия самых расхрабрившихся жителей в очередной раз пыталась штурмовать мою маленькую избушку. Гневно сдвинув брови и соорудив самое ужасное выражение лица, которое только смогла, я потрясла клизмой и еще раз рывкнула:

— Что встали? А ну брысь отсюда!

Это послужило командой к активным действиям. Люди побросали металлолом на землю и с невероятной скоростью скрылись в лесу. Я постояла на крыльце еще несколько минут, полностью уверенная, что на сегодня их программа-максимум выполнена и они больше не вернуться. Потрогав ногой железки и не найдя их достойными внимания, я вернулась в дом. Хотя бы раз что-нибудь ценное оставили, так нет ведь, тащат всевозможную рухлядь, которую на помойку выкинуть жалко, а мне убирать потом.

Каша уже успела безнадежно остыть. Есть холодную как-то не очень хотелось, но разогревать было лень, а после разогрева мой ужин обязательно уменьшится на добрую половину. Поэтому, выбрав из двух зол наименьшее, я отрезала себе большей ломоть хлеба.

В дверь постучали.

— Избушка, избушка, повернись ко мне передом, а к лесу задом! — донеслось снаружи.

Естественно, никаких куриных ножек у моего дома не было — обычный каменный фундамент и завышенный пол, чтобы весенние паводки не затапливали жилое помещение, но это никого почему-то не останавливало. Я скрипнула зубами и снова выскочила на крыльцо.

— Ну что еще надо?

На меня смотрели простодушные голубые глаза молодого парня, одетого в холщовую рубаху и ярко-синие штаны в белую полоску. Стоптаные сапоги, подобранные явно на какой-то помойке, были велики настолько, что ноги в них болтались как хворостина в ведре. При виде меня на лице парня проступило легкое разочарование.

— А мне бы Бабу-ягу,— проблеял он, вытягивая шею и стараясь заглянуть внутрь избушки.

— Я вместо нее. Чего тебе?

Подобные казусы тоже случались достаточно регулярно. Странствующие рыцари и просто искатели приключений на свою... на весь свой организм никогда не обходили мое скромное жилище стороной и считали своим долгом напроситься в гости, начиная знакомство всегда одним и тем же приветствием.

— А ты сначала накорми, напои да спать уложи, а потом уже спрашивай,— придерживался парень традиционного стиля поведения.

— Вот еще,— фыркнула я.— Слишком много чести. Нашли гостиницу. Топай давай отсюда.

И я захлопнула дверь у него перед носом. Мне дадут поесть сегодня нормально или нет? Расходились тут, понимаешь.

И только я присела к столу, как в дверь снова постучали. Аппетит, который и так при виде моей гречневой каши поспешно отполз в самый дальний угол внутренностей, теперь испарился окончательно.

— Ну что еще?

— Может, все-такипустишь? — жалобно взмолился парень.— Темнеет уже, а до деревни я не успею затемно добраться. Стремно в лесу ночевать. Волки.

— Какие волки? — возмутилась я.— Вы всех волков на несколько верст вокруг распугали своими хождениями. Они теперь от людей как от огня шарахаются.

— Ну вурдалаки, лешие, кикиморы. Не дай погибнуть молодой душе,— не сдавался парень.

У меня такое впечатление, что мой дом, как медом намазанный, притягивает к себе всех кого не лень. И все норовят ночевать остаться. Уединилась, называется.

— А расплачиваться за ночлег чем будешь? — строго спросила я.

Парень выразил крайнюю степень задумчивости, выискивая в закромах своей недалекой памяти соответствующий сказочному стандарту ответ, но не нашел и поднял на меня озадаченный взгляд:

— То есть?

— А ты думал, я тебя бесплатно пущу?

— А разве Бабе-яге не положено просто так пустить странника, а потом еще наутро и клубочком путеводным одарить?

Святая наивность, книжек начитался. Я закатила глаза.

— Я благотворительностью не занимаюсь. Не хочешь платить, проваливай отсюда.

И собралась уже снова захлопнуть дверь, но парень поспешно сдался и схватился за ручку с другой стороны.

— Хорошо, хорошо. У меня два медяка есть. Сойдет?

— Нет! — И я потянула дверь на себя.

— Я тебе колоду карт отдам, почти новая, только пяти штук не хватает. — И он дернул дверь в свою сторону.

— Себе оставь. — Мне почти удалось отвоевать дверь.

— У меня сало есть, сыр, ветчины немного... — Парень не сдавался.

— Ну ладно, — согласилась я, отпуская дверную ручку, и парень кубарем полетел вниз со ступенек. — Проходи, разберемся.

На самом деле я не отличаюсь злобностью характера и даже люблю поболтать с кем-нибудь по душам или в дружеской компании, но когда к тебе вот так вламываются в самый неподходящий момент незнакомые, а то и просто подозрительные личности, то невольно начнешь вредничать и злиться. А уж если проявишь, не дай бог, жалость и сострадание к окружающим, то все — хана! На шею сядут и ножки свесят. Вот я и отвоевывала свое социальное пространство, невольно подпадая под описание самой известной сказочной героини.

— Как звать-то тебя, горемычный? — спросила я, когда парень появился в дверях и застыл на пороге, с опаской разглядывая мою нехитрую обстановку.

— Михай.

— Ну что встал? Проходи, что ли.

Михей робко переместился к столу и присел на краешек табуретки, недвусмысленно поглядывая на тарелку с кашей.

— А кормить будешь? — с надеждой спросил он.

— Вот еще! — возмутилась я. — Кто-то говорил, что у него сыр, сало, ветчина есть. Вот и выкладывай. Сегодня ты меня кормишь.

Михей со вздохом полез в заплечный мешок и выудил оттуда помимо всего перечисленного пару сухарей и флягу с водой. Негусто, конечно, но по сравнению с моей стряпней это роскошь, и я предложила ему обменять половину его продуктов на тарелку каши и даже расщедрилась на стакан молока, правда, прокисшего. Как ни странно, он согласился. То ли на диету решил сесть, то ли думал, что обязательно должен поужинать продуктами Бабы-яги, чтобы не выходить из сказочного образа.

Мы сидели за столом и поедали каждый свое. Он — мою остывшую кашу, разбавленную холодным же молоком с пенкой, при виде которой меня перекосило, а я — большущий бутерброд с ветчиной и сыром.

— Куда же ты на ночь глядя через лес-то направлялась? — поинтересовалась я.

— В Беловку, — с набитым ртом прошамкал Михей. — Письмо для старосты несу от нашего дьякона.

— А сам-то откуда?

Я спрашивала не потому, что мне было очень уж интересно, а просто для поддержания разговора.

— Я из Верховки, — охотно ответил он.

От одной до другой деревеньки было верст пятьдесят, и, видимо, парень не рассчитал со временем или скоростью своего передвижения, вот и оказался недалеко от моего дома. Бывает.

— А ты правда Баба-яга? — с любопытством поглядывая на меня, спросил Михей.

— А что, похожа? — прищурилась я.

— Не-а. Баба-яга старая, скрюченная, с одним острым зубом.

— А ты хоть раз видел живую Бабу-ягу-то?

— Не, живую не видел.

— Мертвую видел? — притворно изумилась я.

— На картинке.

Я прыснула.

— Тогда понятно.

В форточку запрыгнул белый пушистый кот Сенька и вальяжно развалился перед Михеем на подоконнике.

— Опять странствующие туристы по лесу на ночь глядя шастают? — равнодушно спросил кот, поглядывая на Михея.

— Что-то типа того, гонец из Верховки, — пояснила я.

Михей от ужаса застыл, вытаращив глаза, и фыркнул так, что гречневая крупа, вылетев из его рта, облепила кота со всех сторон, коричневыми точечками повиснув на шкуре, усах и ушах, капельки молока скатывались по шерсти, капая на подоконник. Кот такого подвоха никак не ожидал. Он подскочил как ужаленный, зашипел, словно динамит перед взрывом, и прыгнул на стол перед перепуганным насмерть парнем, опрокинув тарелку.

— Совсем обалдел?! — заорал кот ему в лицо, поднимая лапу и выпуская далеко не маленькие когти. — Да за такое я тебе сейчас так уши надеру, что кикиморы шараться будут! Или потомства будущего лишу! Или рожу расцарапаю! Или...

Я откровенно наслаждалась зрелищем. Говорящих животных на самом деле не бывает, у них другая цель существования, но в результате все тех же экспериментов мне удалось создать потрясающую модель, позволяющую сделать из бессловесной твари вполне разумное существо. Просто нужно крупицу своего разума (при наличии такового) особым заклинанием перенести в определенную зону головного мозга подопытного животного, и если разум приживется, то вскоре возникает говорящий зверь, обладающий вполне нормальной человеческой речью и сносным уровнем интеллекта. Единственный недостаток был в том, что характер животного полностью совпадал с характером экспериментатора, то есть с моим. У нас с котом оказался одинаковый взгляд на жизнь, практический подход почти к любому делу и нам всегда было о чем поговорить. То есть кот был почти моей полной копией, но я не жаловалась, потому что мне с самой собой почти никогда не было скучно.

Подозреваю, что кот, еще не познав на себе все прелести человеческого ума, в какой-то степени и так неплохо

ориентировался в происходящем, имея в сердце неуемную жажду к жизни, в голове — склонность к ироничному восприятию окружающего и неплохую практику общения с темными представителями человечества.

Кот появился у меня почти сразу, как только я решила осесть в этом захолустном домишке. Сначала он приходил изредка, садился на подоконник и начинал умываться, поглядывая на меня желтыми глазюками. Потом его посещения стали чаще, пока он совсем не обжился у меня и не стал приходить каждый вечер, заваливаясь спать на печку. Тогда-то мне и пришла в голову мысль попробовать сделать из него «человека». Кот не возражал — к обоюдной радости, когда все закончилось успешно.

— Алена! — повернул Сенька ко мне испачканную морду. — Что он себе позволяет? Съешь его, пожалуйста. Ну хотя бы ради меня. Чего тебе стоит? Или преврати в кого-нибудь.

— Думаешь, стоит возиться с этим куском не совсем свежего мяса? — с сомнением оглядела я Михея.

— Стоит, стоит, — радостно закивал кот.

Кошачий гнев уже пошел на убыль, и он решил привлечь меня к дальнейшей расправе над обидчиком.

— Есть себе подобных неэтично, — философски заметила я, еле сдерживая улыбку и стараясь не мешать Сеньке наслаждаться произведенным эффектом.

— А плеватьсь в меня кашей этично? — Кот снова начал закипать. — Я теперь должен его слюни слизывать? В них микробы и гнилостные бактерии, между прочим. Зачем пускаешь всяких непутевых личностей? Проверяла бы их сначала, что ли?

— Ты предлагаешь у всяк сюда входящего проверять уровень интеллекта? Может, еще и тесты ввести на сообразительность? — Идея мне понравилась.

Михей постепенно приходил в себя. Его глаза стали принимать нормальные размеры, а мертвенная бледность сменилась нездоровым румянцем.

— Он что, говорящий? — наконец смог выдавить перепуганный насмерть парень, когда к нему вернулась способность говорить, и неучтиво ткнул пальцем в кота.

— Говорящий, говорящий,— проворчал Сенька.— И побольше некоторых. А ты пальцем-то не тыкай, бескультурщина.

У Михея снова отвисла челюсть.

— Да ладно, Сень,— стала я успокаивать разбушевавшегося кота.— Не обращай внимания.

— Ничего себе не обращай внимания,— не унимался тот.— Вот если б в тебя кашей плюнули, ты бы сейчас не только ядом плевалась, но еще и уши с глазами ему места ми поменяла.

Вот в этом он, конечно, прав, я бы ни за что не оставила такое нахальство без отмщения. Для этого в моем арсенале было припасено не одно оригинальное заклинание. Превращать людей в кого бы то ни было я, конечно, не умела, да и никто не умел. Это просто невозможно в силу закона сохранения энергии и определенных особенностей у разных видов живых существ. А вот навести морок, исказив очертания биополя и придав ему любую желаемую форму, мне под силу. Человек ни в кого, естественно, не превращается, но на подсознательном уровне люди воспринимают вибрации искаженной энергетической оболочки и видят не столько то, что у них перед глазами, а то, что посылает им измененная структура, искажая восприятие действительности. (Эко я завернула!)

Наверное, именно таким способом Царевна-лягушка решила женить на себе Ивана-царевича. Скучно ей было замуж выходить как все нормальные люди, вот и решила развлечься. Зато какой эффект! Иван все болота и горы излазил в поисках пропавшей земноводной девицы, а она спокойненько ждала, как он выкручиваться будет. Что ж, я ее хорошо понимала. За одну стрелу, чуть не угробившую меня, я бы три шкуры с него спустила. А она заинтересовала мужика своим лягушачьим происхождением, соблазнила, заинтриговала, а потом свалила к Кашею Бессмертному. Долго они, наверное, смеялись над доверчивым Иванушкой, поверившим в превращение и страшное заклятие. Правда, замуж за Ивана она все-таки вышла, но скорее не по любви, а поддавшись на его способности добиваться намеченных целей и на отсутствие пренебрежения к лягушкам.

Однако Михей всего этого, естественно, не знал и воззрился на нас в немом ужасе, уже сильно пожалев, что напросился на ночлег. Будет потом чего порассказать потомкам, если он не скончается раньше от страха. Мне не хотелось его разочаровывать.

И когда только нормальное цивилизованное образование докатится до глубинки нашей необъятной страны? Тяжело все-таки иметь дело с такими доверчивыми к народному фольклору людишками, но и удовольствие от их непробиваемого упрямства в вере в чудеса можно получить немерено. Только как-то и с нормальными людьми пообщаться тоже охота, но они почему-то здесь просто не водятся.

— Ладно,— стукнула я по столу ладонью, и Михей подпрыгнул на табуретке.— Не буду я ни в кого тебя превращать. Ложись спать, а утром проваливай подобру-поздорову.

Парень усиленно закивал, обозвав меня чуть ли не спасительницей, и посмотрел в сторону моей кровати.

— Не там,— повысила голос я, правильно оценив его взгляд.— На лавке в сенях ляжешь. Одеяло и подушку я, так и быть, тебе выделю.

— А как же баньку истопить? — постарался из последних сил не выйти из роли Михей.

— А я вот сейчас печку истоплю,— угрожающе насупилась я.— Нет у меня баньки. А если б и была, то из-за таких, как ты, даже суетиться не стоит. Тоже мне, королевич Елисей выискался.

— А он уже был здесь? — В голосе парня было столько неподдельного удивления, что я еще раз подивилась человеческой наивности.

— Откуда ж ему тут взяться? Он у себя во дворце сидит, с мамками-няньками, папками-дядьками.

— Ну мало ли разных королевичей по свету бродит,— весело помотал головой Михей.

— Ни одного не видала пока,— усмехнулась я.— Боятся, наверное.

— И правильно делают,— философски изрек парень.— Бояться надо.

— Почему? — удивилась я.

— Магия, она особого уважения к себе требует. Вот я не умею колдовать, а потому даже не представляю, какое зло ты можешь мне причинить и чем, и начинаю сам себе всякие ужасы придумывать. Может, такого вообще сделать никто не в силах, а у меня воображение такое богатое, что я уже и чертом себя вижу, и камнем, или еще кем-нибудь. Боюсь и остерегаюсь. На всякий случай. А другой ни во что не верит, вот и лезет на рожон везде, где ни попадая, хвастаясь своей храбростью и непобедимостью. Вот тут-то его тепленьким и приколдуют на всю оставшуюся жизнь. Так что все требует осторожного подхода. У нас же про магию говорить особо не принято.

— Ишь ты, философ нашелся, — пробубнила я.

А парень не совсем безнадежен, оказывается, понимает, что в дремучей глуши живет.

— Иди спать, Михей, — вздохнула я. — Утро вечера мудренее.

Тьфу, ты! Уже сама под сказки дурацкие подстраиваться начинаю.

Я достала из кладовки запасное одеяло и подушку, пропахшие сыростью от нечастого употребления, и кинула Михею. Он поймал на лету постельные принадлежности и ушел в сени обустраиваться.

— Развел тут разглагольствования, — проворчал кот, вылизывая заляпанный гречневой кашей бок.

— Да ладно тебе, — махнула я рукой.

— Что да ладно? А вдруг он сам колдун какой-нибудь?

И я покосилась в сторону сеней, откуда слышалась возня устраивающегося на ночлег Михея.

— Да нет, Сень. С чего ты взял?

— Ну мало ли... — И кот продолжил гигиенические процедуры. — Вот гаденыш, всю шерсть мне испортил!

ГЛАВА 3

Рассветные лучи солнца разбудили меня, жестоко ослепляя через плотно закрытые веки. Я сунула голову

под подушку в надежде поспать еще немного, но сон успел благополучно удрать, оставив на прощанье несколько сладких зевков. Сенька спал у меня в ногах, свернувшись клубочком и подложив под голову пушистый хвост. Едва я успела подняться, кот приоткрыл один глаз и недовольно пробурчал:

— Что тебе не спится в такую рань?

— Не знаю. Весна, наверное, — беспечно отозвалась я.

— Ну-ну, — ехидно муркнул Сенька себе под нос, но я услышала.

— Это что за ну-ну такое? Попрошу без намеков!

Кот снова закрыл глаза и притворился спящим. Я потянулась, разминая затекшую спину, и отправилась в сени умываться. После залитой светом комнаты в сенях было безнадежно темно, и я на ощупь пробиралась к умывальнику. Неожиданно мои руки наткнулись на что-то круглое, теплое и волосатое. Я машинально потрогала это со всех сторон и постаралась определить принадлежность к какому-либо виду нежити, но не смогла — оно было живое и тоже трогало меня со всех сторон. Огненный шарик сорвался с моих пальцев.

— А-а-а-а-а-а! — истошно закричало нечто.

— Тьфу, черт! — выругалась я, вспоминая про Михея и отскакивая назад. — Напугал, дурак!

— Ты чего на меня набрасываешься? — визгливо спросонья крикнул парень, остервенело шлепая себя по дымящейся голове.

— Да не набрасываюсь я на тебя, — уже начиная различать в темноте умывальник, отозвалась я. — Я про тебя вообще забыла. А ты какого лешего лапы тянешь?

— Так уж и забыла? — не поверил Михей. — Небось колдануть хотела чего.

— На кой ты мне сдался? — возмутилась я. — А уж если проснулся, то проваливай давай, пока рано еще, а то опять заблудишься.

И я продолжила путь, не обращая внимания на кряхтение и бубнеж нерадивого гостя. Наплескавшись в холодной с ночи воде, я совсем взбодрилась и свежая и довольная вплыла в дом. Михей даже и не думал уходить,

устроившись около стола и поедая остатки вчерашнего ужина. На его голове зияло несколько красочных проплешин.

— Ну и наглый ты тип,— только и смогла сказать я.— Надо было тебя вчера правда съесть.

— Я свои продукты ем, между прочим,— не смутился наглец.

— Между прочим, я благотворительностью не занимаюсь, если ты забыл,— решила напомнить я.— Выкладывая медяки и топай по своим делам, пока я не разлилась.

Сенька с интересом наблюдал, как я выпроваживаю засидевшегося Михея и пересчитываю деньги.

— Лучше уйди,— предупредил кот.— А то она и метлой огреть может, позвоночник в штаны ссыпется да так там и останется.

Это был слишком веский аргумент, и Михея сдуло как ветром, только дверь жалобно скрипнула ему вслед. Мы с котом довольно переглянулись. Но петли снова взвизгнули, и в дверях появилась подпаленная голова парня.

— А клубочек-то путеводный забыла мне дать,— радостно напомнил он.

Я скрипнула зубами и полезла в шкаф. Порывшись там, достала потраченный молью клубок и всучила Михею в руки, прошептав нехитрое путеводное заклинание.

— На, он приведет куда надо. Только отстань от меня.

Голова тут же скрылась.

— Ну и куда ты его отправила? — поинтересовался Сенька, сладко зевая.

— В женскую баню.

Сенька оборвал зевок на половине и в ужасе уставился на меня.

— Злыдня ты, Алена. Он же теперь из той деревни до сбора урожая не уйдет.

— А мне какое дело? Главное, не заблудится.

Я уселась за стол и доела то, что еще не успел съесть и понакусывать парень. Всего-то пару кусочков сала и ломоть хлеба, но для раннего завтрака сойдет. Надо по лесу побродить, почек березовых насобирать, трав первых для

отваров, мало ли, вдруг пригодится. Да и засиделась я без дела уже. Весна, она все оживляет, вот и у меня жажда деятельности появилась, сила магическая проснулась.

Я вышла, наложив на избушку охранное заклинание от непрошенных гостей, которое при попытке проникновения посторонних издавало такие ужасные и душераздирающие звуки, что завывания голодного упыря казались жалким комариным писком и лезть внутрь пропадала всякая охота. Брать у меня совершенно нечего, но я не люблю, когда без разрешения вторгаются в мою частную собственность. На Сеньку, как порождение моих магических опытов, заклинание, естественно, не распространялось.

Утренний лес встретил меня порывами свежего холодного ветра и упоительными ароматами распускающихся листочков. Птицы на все голоса распевали свадебные песни или с веселым гомоном строили брачные гнездовые ложа. Последние остатки снега, грязными кучами притаившиеся за самыми толстыми стволами деревьев в надежде, что солнечные лучи никогда до них не доберутся, грубо нарушали весенний пейзаж. На высоких пригорках и кочках выбивалась из земли бурная растительность, словно двухдневная щетина у небрившегося мужика, и вызывала повышенный интерес у многочисленных насекомых, сновавших в прозрачном воздухе. Лес просто звенел неумной жаждой жизни, оглушая, впечатляя, сводя с ума.

Углубившись подалее в лес, я так увлеклась собиранием лютиков-цветочков, что не сразу заметила, как потемнело все вокруг. Привычные звуки леса стихли, уступив место зловещей тишине. И дело было вовсе не в набежавших тучах или сгустившихся сумерках (хотя какие могут быть утром сумерки?).

Я растерянно огляделась и с ужасом поняла, что попала в почти мертвый лес. Лишь в отдельных местах еще виднелась блеклая вездесущая травка, но такая убогая и полуживая, что назвать ее кроме как сеном язык не поворачивался. Мое хорошее настроение и веселость как рукой сняло, уступив место мрачной угрюмости. Апатия и

безразличие накатили сильной волной, мне захотелось лечь прямо под тем высохшим деревом, у которого я стояла, и уснуть, оставив на поругание воронам свои бранные останки. На плечи опустилась свинцовая тяжесть, придавливая к земле. Только последним усилием воли я заставила себя стоять, противясь неожиданному воздействию и теряя силы.

Неужели у леса так не хватает энергии, что он вытягивает каждую крупницу живительной силы из любого, кто посмел приблизиться к его энергетическому центру? Я остановилась и просмотрела лесную ауру, представив лес единым живым организмом. Увиденное заставило меня ужаснуться. И почему мне раньше не пришло в голову как следует провести диагностику?

Слабая энергия вяло циркулировала по спиральной воронке, уходя куда-то в глубь земли совсем недалеко от меня, хотя на самом деле она должна выходить на поверхность и свободно растекаться вокруг, не встречая на своем пути преград. Почти черные хлопья болезненных органов (в данном случае деревьев, животных и магических существ) пульсировали и отмирали прямо на глазах. Лес погибал от наведенной давным-давно порчи или чего-то очень на нее похожего, и помочь ему было некому.

Повинуясь неожиданному порыву, я отбросила корзинку в сторону и стала осторожно подбираться к предположительному месту страшной воронки. Путаясь в цепких кустах высохшего малинника и шлепая прямо по грязи, мне удалось подойти почти вплотную к энергетическому центру леса. Еще несколько шагов, и я уже стояла на краю поляны с отвисшей челюстью. И было от чего.

Черная выжженная земля кругами расходилась на несколько метров вокруг, а в середине медленно вращался засасывающий всю имеющуюся рядом живую силу вихрь. Его верхушка уходила высоко в небо и расширялась до невероятных размеров, накрывая все, что находится внизу, смертоносным покровом.

Я потрясла головой и посмотрела на вихрь обычным взглядом. Его не видно. Только черная выжженная поляна говорит о том, что скоро весь лес превратится в такое

вот пепелище. Откуда ЭТО здесь взялось? И главное — зачем? Почему я не почувствовала раньше такое сильное магическое воздействие? Наверное, потому, что источник его находится далеко отсюда, проделав энергетическую дыру и забирая энергию словно насосом.

Нужно немедленно прекратить откачку энергии, перекрыть искусственный выход, пока не поздно. И пока у меня есть силы. Нас учили чему-то подобному, я помню.

Мысленно я перенеслась на залитую солнцем поляну и подставила руки под живительные лучи, вбирая энергию до тех пор, пока меня не стало тошнить. Пусть лучше будет много, чем не хватит, второй раз может не получиться восполнить резерв. Еще надо учитывать, что воронка постоянно забирает у меня силы, а мне еще нужно хитрить ее закрыть. Поэтому пусть лучше потошнит немного, не умру. Открыв глаза, я обошла поляну кругом, выискивая места прикрепления магических скобок. Одна, вторая, третья... Силы убывали с невероятной скоростью, утекая в воронку и заставляя ее вертеться быстрее. Где же четвертая? Вот она. Сосредоточив внимание одновременно на всех четырех, я выпустила мощный поток энергии, отцепляя скобки и заставляя захлопнуться энергетический провал. У меня перед глазами все поплыло, но я всеми силами пыталась удержать ускользящее сознание до того момента, пока не почувствовала, что воронка исчезла окончательно и энергия больше никуда не уходит, а спокойно разливается по поверхности земли. Все. Теперь отыскать место входа и поставить защиту.

Я упала на колени и трясущимися руками принялась чертить магический крест, препятствующий повторному чужому проникновению. Это отняло у меня последние силы, и я плашмя повалилась рядом, уставившись в бесцветное небо. Голова была пустой до звона, уши заложило от сильного напряжения, которое постепенно спадало, но тело уже не подчинялось мне, исчерпав все свои возможности.

То ли я уснула, то ли все-таки впала в забытие, но очнувшись я от жуткого щекотания в носу. Что-то или кто-то усиленно тыкал мне в нос перышком, заставляя морщи-

ться и крутить головой. Когда щекотание стало просто невыносимым, я чихнула и открыла глаза.

— Аленка, наконец-то, — склонилась надо мной белая усатая морда. — А я уж думал: все, конец.

И Сенька всхлипнул.

— Не дожدهшься, — буркнула я и попыталась сесть, но тут же свалилась обратно на землю.

У меня снова закружилась голова. И тут я почувствовала, что меня куда-то тащат. С трудом разлепив свинцовые веки, я узрела возле себя нечто корявое и высохшее. Ну вот, и до галлюцинаций дожила, уже кустики меня таскать стали. Последнее, что мне запомнилось, это тихий шелест листвы и укус первого в этом году комара. Причем он нагло присосался к моему носу. И этот туда же! Набить ему морду сил у меня уже не было.

Я медленно приходила в себя. Получалось с трудом, но силы постепенно возвращались. Странно, однако я вроде помню, что упала прямо в центре, когда чертила магический крест. Как я вдруг оказалась в стороне на относительно живой растительности в виде мха? Интересно...

Я обернулась на поляну и просмотрела результат своей работы. Ничего вроде. Правильно все сделала. Воронка больше не появилась, но где гарантия, что неизвестный маг снова не попытается открыть выход? Надо будет проследить, хотя бы несколько дней. Жаль, не удалось установить место, откуда был сделан отсос. Слишком мало опыта у меня, да и силенок не хватает.

— Что это? — спросил кот, кивая на черные круги.

— Это была наша смерть, — задумчиво выговорила я, еле ворочая языком.

— Ну и шуточки у тебя, — не поверил Сенька.

— А я не шучу.

Кот пристально посмотрел мне в глаза и потрусил в сторону дома. Я тяжело поднялась на ноги и, хватаясь за деревья, медленно поползла за ним. Слабость никак не хотела отступать, и мне приходилось постоянно останавливаться и переводить дух. Сенька то и дело возвращался, крутился под ногами и больше мешался, чем помогал. Да

и что можно с kota взять? Чем он мне поможет? Только болтовней. Но я была ему благодарна за неиссякаемый поток слов, который лился из его пасти. Это отвлекало от дороги и моего оставляющего лучшего состояния.

— Еще немного и будем дома,— тараторил Сенька.— Осторожно, тут корешок торчит, не наступи. А вот ломать кусты вовсе не обязательно, это малина, между прочим, на ней ягодки вырастут, потом варенье сварить можно. Смотри, сколько мать-и-мачехи. Тебе накусать немного? Аккуратнее, тут ветка низко висит, головой не ударься, а то совсем без ума останешься.

Добрели мы до нашей избушки только ближе к полуночи. Я повалилась на кровать и продрыхла без просыпу трое суток. Неподготовленная я оказалась к таким серьезным испытаниям, силы не рассчитала и теперь восстанавливала их посредством сна, полностью отключив все органы чувств и восприятия.

Когда я проснулась, то ощутила себя достаточно бодрой и отдохнувшей, но на новые подвиги пока не тянуло. Сенька куда-то ушел по своим кошачьим делам, и я решила еще немного понежиться в постельке.

Но мне не дали. Стук в окно заставил меня подняться.

— Войдите! — крикнула я, спуская ноги с кровати.

— Негоже мне, матушка, в чужой дом входить,— раздалось под окном.

Я высунулась, недоумевающая, кто бы это мог быть. Под окошком стоял леший собственной персоной. Когда я его видела первый и последний раз, еще осенью, он был похож на высушенный куст акации, обглоданный тлей, а сейчас весь так и цвел. Причем в прямом смысле этого слова. На веточках-ручках распускались нежно-зеленые листочки, коряжки-ножки обросли травкой, голова и тело (что было одним целым) больше походило на бревно с воробьиным гнездом наверху. Прямо икебана ходячая. Я чуть не вывалилась из окна, увидев такое чудо. Отвисшая челюсть, наверное, перевешивала.

— Благодарствую тебе, матушка.— И леший отвесил мне земной поклон.— Избавила вотчину мою от злой напасти. Чуть не извела нас проклятая сила чужеродная, а

люди злобные чуть не добились. Мой долг перед тобой челом бить и пожелания твои аки свои исполнять.

— Ой, ну что вы,— смутилась я.— Вы в дом проходите, а то неудобно так разговаривать-то.

— Нет,— категорично отказался леший.— Не могу я в дома людские ходить, не положено мне. Сама-то, гляжу, оклемалась, горемычная.

— Да ничего вроде,— пожалала я плечами.— Это вы меня с поляны вытащили?

— А то кто же? А я тоскою сердешной извелся весь, покуда животинка твоя не уверила меня, что опасность болезная стороною прошла и тебя никоим боком не задела. А то не отблагодаривши тебя остаться в вечном долгу не подобает хозяину леса. Ента ужасная серость смертоносная все силы у вверенного мне леса поотымала, да и дальше пошла бы, не остановившись на ентом. Но ты пособила, живота своего не пожалемши.

— Спасибо вам,— искренне поблагодарила я. Если бы не леший, лежать бы мне и дальше на той поляне, в чернозем превращаясь.

— Не за что,— снова поклонился мой ветвистый спаситель.— Весь лесной народ тебе челом бить велел за столь благое дело. Мы ведь первыми страдаем от таковых магических нападений, потому как магию хорошо чувствуем.

— А кто же навел такую страшную порчу? — задала я мучивший меня вопрос.

— Про то мне, к прискорбию, не ведомо. Я только в своем лесу хозяин, а то шло не от нас. Но я буду зорко блюсти, чтобы никакая напасть больше не приключилась.

— Жаль. Интересно узнать, откуда ветер дует.

— Не беспокойся, матушка, теперича все в норму войдет. А тебе позволь совет приподнести.

— Какой?

— Наследием бабкиным по уму распорядись, на благое дело. Душа у тебя добрая, справедливая, не поддайся коварным искушениям. Да вот от меня подарочек маленький прими.

И леший протянул мне в своей цветущей ручке веревочку с маленьким прозрачным камнем и еще раз поклонился в пояс.

— А теперь позволь откланяться. Дела вотчинные ждать не велят. Ежели понадобится — зови.

И не успела я открыть рот, чтобы хоть попрощаться и спросить, что это за камень такой, как леший исчез. Провалился сквозь землю. Я свесилась, высматривая то место, где мгновение назад он стоял, но так и не нашла следов провала. Даже травка не примята.

— Про какое такое наследие он говорил? — пробормотала я, критически оглядывая ветхое строение и машинально напяливая на шею тесемочку с камнем. — Даже антиквары вряд ли позарятся.

Я вдруг почувствовала, что ужасно проголодалась.

Чего бы такого съесть? Грибочков, что ль, маринованных достать?

Не в состоянии больше бороться с обильным слюноотделением и воплем голодного желудка, я влезла в погреб. Переставляя банки с вареньем и солеными огурцами, выискивая запропастившиеся куда-то грибы, я оперлась о земляную стенку погреба. Вокруг моей ладони с легким шипением тут же побежала огненная полоска, очерчивая прямоугольник размером с печную заслонку. От неожиданности я чуть не свалилась с полки, где успела удобно устроиться, чтобы не надо было тянуться в глубины нескончаемых банок, и только чудом удержалась. Едва я убрала руку, полоска исчезла, не оставив даже намека на потайную дверцу. Стратегические пищевые запасы сразу же перестали меня интересовать, уступив место здоровому молодому любопытству. Я спрыгнула на пол и, снова положив руку на стену в том же месте, стала ждать повторения удивительного явления. Долго ждать меня не заставили. Огонек очертил дверцу, и она бесшумно отъехала в сторону, открыв передо мной странный набор предметов, от которых веяло стариной и магией. В полумраке было плохо видно, что скрывается в тайнике, и я зажгла парочку магических светильников. Презрев все правила техники безопасности, я чуть ли не с

головой влезла в тайник и вытащила тяжеленный меч, по счастью не уронив его на ноги, старую потрепанную книгу и несколько холщовых мешочков. Меня никто при этом кошунственном разграблении не укусил, не испепелил и не разорвал в клочья. Значит — мое. В противном случае от меня бы уже одни головешки остались.

Вытащив нежданное богатство наверх, я расположилась прямо на полу и стала разглядывать, что же мне перепало вместе с домиком. Меч, выкованный из какого-то странного сплава, оказался настолько тяжелым, что я не смогла бы им воспользоваться по прямому назначению, даже если бы возникла такая необходимость. Одна рукоять, богато украшенная драгоценными камнями, могла бы позволить мне безбедно существовать до самой старости, даже если камушки продать по дешевке. Но от меча веяло такой силой и мощью, что подобные корыстные мысли трусливо покинули мою дурную голову. Наверняка артефакт какой-то старинный, и магией от него тянет. Может, меч-кладенец? Но мне от него проку все равно никакого, я его не подниму.

В мешочках обнаружили странные травы, названия которых, если судить по берестяным огрызочкам с надписями, вложенным в каждый из них, мне абсолютно ничего не говорили. Да и написаны они были старинными буквами, прочитав которые мне удалось далеко не все. В одном мешочке вообще покоился пук волос неизвестного происхождения, без каких-либо опознавательных знаков и указаний на принадлежность. Я отложила их в сторону до лучших времен. Авось прояснится чего.

А вот книга была уникальная, магическая. Стоило мне ее раскрыть, как я сразу поняла, что передо мной кладезь старинных магических знаний, про которые нам как-то обмолвился учитель на лекции по истории. Сборник накопленных за многие века откровений, рецептов, наблюдений, удивительных мест, способов борьбы со злом и способов причинения зла — это только малая часть того, что содержала в себе эта книга. И слушалась она только своего хозяина, того, кто смог найти и открыть ее. Желающих обладать столь могущественным союзником было

слишком много, но только самые отчаянные и дерзкие могли использовать то, что предлагалось их вниманию. К тому же книга могла переходить от одного хозяина к другому только по доброй воле. Отобранная силой, она неслала беды и страшные мучения тому, кто завладел ею обманным путем. Сказки, конечно, но у меня в руках сейчас лежала переданная мне по наследству (а значит, добровольно) именно такая книга. Названия у нее не было, да оно и не требовалось.

Я уставилась на потрепанный переплет, постепенно осознавая, что держу в руках один из самых сильных в мире артефактов, и этот артефакт готов был помогать мне, вон как страницы шелестят и светятся. Книга признала меня своей хозяйкой, осталось только проверить, на какие дела она сподвигнет меня в случае необходимости. Но рисковать не хотелось, мало ли что натворю еще. Я полистала пожелтевшие ветхие страницы, не вчитываясь особо в содержимое, и прижала книгу к груди. Ничего себе наследство мне привалило! Родственница-то моя, оказывается, Бабой-ягой была, настоящей. Значит, и меня к Бабам-ягам можно причислить, потомственным? Да уж... Вот и попала ты, Алена, в настоящую сказку.

Я спрятала меч и мешочки обратно в тайник, все равно от них проку никакого не будет, пока я не разберусь, для чего они нужны. А вот книга просто жгла мне руки. Так хотелось попробовать старинные заклинания, которыми пользовались наши бабушки и прабабушки. Раньше магия намного сильнее была, чем сейчас, только утеряно уже многое. А тут такое везение. Только страшно что-то, вдруг не получится ничего. Я открыла книгу и погрузилась в чтение.

С первых строк передо мной открылась совершенно другая магия, более мягкая, более открытая и понятная. Со страниц веяло древними тайнами и первозданными силами. В академии нас совсем по-другому учили. Там и заклинания, на искусственном сленге основанные, учить заставляли, язык сломать можно об них, и энергия грубая используется, будто дрова рубишь. Видимо, какой-то

иностранный маг заехал к нам в недобрый час, вот и прижилось его недалекое умение, а истинные знания потеряли свою изначальную ценность. В бабкиной книге вон как мудро все написано, певуче, в основном образами и сравнениями. И заговоры на песни больше похожи. Многие маги наши потеряли, кажется, очень многое.

Про грибочки я успела добросовестно позабыть, жадно поглощая вместо телесной пищи духовную. Оторвалась я, только когда сильно затекла спина. Сенька сидел на столе, внимательно наблюдая за моей почти неподвижной тушкой.

— А я уж думал, это побочный эффект тех черных кругов,— облегченно вздохнул он, когда я подняла наконец на него глаза.— Что читаем?

— Представляешь,— мечтательно закатила я глаза,— оказывается, моя бабка настоящей Бабой-ягой была.

— Тоже мне — удивила,— фыркнул кот.— Ты на себя посмотри, вылитая Баба-яга. Глаза красные, волосы растрепанные, нос торчит. А если ты и дальше есть не будешь, то тебя еще и костяной ногой прозовут, потому что отошаешь до такой степени, что одни кожа да кости останутся. Суповой набор и то пожирнее будет.

— Ты не очень-то,— обиделась я.— Я, между прочим, за грибочками в погреб лазила, а тут случайно на тайник наткнулась, магический.

— Ну все, хана.— Сенька выпятил нижнюю челюсть.— Теперь точно от разных витязей отбоя не будет. Начнут ходить за всякими мечами-кладенцами, клубочками-указалками, расческами-лесорубками и прочей дребеденью. И так житья нет, а тут вообще в очередь выстроятся, останется только табличку на дверь повесить «Распродажа».

— Какой ты занудливый стал в последнее время,— упрекнула я разошедшегося не на шутку друга.— Может, я хочу настоящей магичкой стать, а ты на корню все мои устремления вырубашь.

— Вырубишь у тебя, как же. Тебе если в голову взбрело, никаким молотком не вышибешь.

Я махнула на него рукой и потянулась за банкой с грибочками. Маслятки, солененькие, вкусненькие. На вилочку малепусечку — цоп, а за масленочком сопелька тянется, длинная. Ты его в рот вместе с картошкой — ам, а он на языке перекатывается. А когда проглотишь, внутри все кишочки так и радуются. Все. Если сейчас же не съем хоть один гриб, то точно язву желудка наживу. Магия пождет.

ГЛАВА 4

Несколько дней я почти не отрываясь изучала бабкин фолиант, но не прочла даже и четверти. Сама книга вела себя несколько странно (это для нормальной книги, конечно). Она открывалась только там и только тогда, когда сама считала нужным, моим мнением мало интересуясь. Поэтому я никогда не знала заранее, какое новое открытие предстанет перед моим взором. Особенно понравившиеся места старалась запоминать, на всякий случай, но слишком много еще оставалось для меня непонятным и необъяснимым. Некоторым заклинаниям я и применения-то найти не могла. Ну вот для чего может понадобиться огненный дождь? А моровое поветрие? А вызов упырей и вурдалаков? Понять, для чего книга показывает мне всю эту ерунду, я не могла, но добросовестно штудировала все подряд.

Сенька по несколько раз в день тормозил меня для перерыва на завтрак, обед и ужин. Если б не он, я бы точно отошала окончательно и превратилась в мясо на косточке. Если б кот еще и готовить умел, ему бы вообще цены не было. А так приходилось прерывать столь увлекательное занятие и готовить самой. Жалко было время терять.

Еще меня изредка отвлекал леший, посчитавший своим долгом дать мне несколько полезных советов по лекарственным травам.

Но уже к концу недели я поймала себя на мысли, что читаю чисто машинально и совершенно ничего не пони-

маю. Надо перерыв сделать и устаканить в голове то, что успело запомниться, а потом можно и дальше продолжить. Я не спешу.

В деревню, что ли, сходить, развеяться?

— Сень, а сегодня какой день? — лениво спросила я.

— Базарный,— отозвался кот с печи, будто прочитав мои мысли.

— Сходить, что ли?

— Сходи, тебе полезно с народом пообщаться, а то они уже забыли небось как ты и выглядишь.

— Думаешь?

Сенька только фыркнул, и мне ничего не осталось сделать, как взять корзину и отправиться за впечатлениями.

В деревню я вошла, когда солнце уже подбиралось к своей максимально высокой точке на необъятных просторах небосклона. Едва я появилась на крайней улочке, как бегающие по дороге ребяташки с диким, но вместе с тем задорным визгом врассыпную бросились в разные стороны.

— Баба-яга пришла! Баба-яга пришла!

Дети — не взрослые, их обмануть труднее, и они чувствовали, что никакой страшной опасности от меня не исходит, но придерживались мнения, что раз положено бояться Бабу-ягу, значит, положено. И удирали с радостными воплями, с любопытством выглядывая через щели в заборах. Кем было велено верить в такую ерунду, никто, конечно, не знал.

Дворовые шавки заходились яростным лаем, почуяв непрошеную гостью и выполняя свой собачий долг — оповещать всю округу о моем приближении. При этом они не выползали за пределы вверенных им огородов.

Я не спеша прошлась по опустевшей улице до центральной площади, где находился маленький сельскохозяйственный рынок, и нырнула в бурлящую толпу торгующих-ругающих-обвешивающих жителей. Рыночные ряды пестрели всевозможными продуктами и прочей домашней утварью. На прилавках громоздились разноцветные горы прошлогодних фруктов и овощей, уже напрочь

лишенных всяких витаминов. Красно-коричневые туши, некогда бывшие то ли баранами, то ли козами, то ли еще какими неопознанными животными, привлекали не столько покупателей, сколько многочисленных мух, с ленивым жужжанием сновавших поблизости от дармового лакомства. Вялая зелень, выращенная на подоконниках, безжизненными хвостами свисала из плошек, наполненных протухшей водицей. Веники и облезлые половички, сотканые из соломы, желтели на фоне ярко-оранжевых глиняных горшков и тарелок, высившихся опасной пирамидой и не падающих только по одним им известным причинам.

На меня поначалу совершенно не обратили внимания, я все-таки человек, а не чудище лесное. Мне спокойно удалось углубиться в продуктовый ряд и, не торопясь, прогуляться в поисках мало-мальски свежих товаров. Таковых почти не было. Я остановилась возле прилавка с молочными продуктами, показавшимися не такими подозрительными, и сняла пробу с творога. Торговка глянула на меня так, словно я собственноручно пришибла ее единственную корову, дававшую немислимые удои, и замахала на меня руками:

— Чур меня! Чур меня! Уйди, окаянная!

Я равнодушно посмотрела на нее и спросила:

— Сколько?

— Нисколько. Исчезни от моего прилавка.

— Что, совсем бесплатно? — Конечно, я поняла, что она имеет в виду, говоря «нисколько», но оставить без ответа столь глупое замечание не могла.

Торговка пухлыми руками подгрестила весь кисло-молочный (в самом прямом смысле) товар к себе поближе и громко, с явным намерением привлечь как можно больше внимания, заверещала:

— Что же это делается-то? Средь бела дня порчу наводит.

— А порчу все равно когда наводить, — охотно пояснила я. — Только вашим продуктам она уже не грозит, они сами могут на кого угодно порчу навести с приобретением милого зеленоватого оттенка кожи.